

ВИЛЬМА

Был выходной день. Мы сидели на веранде старого колониального отеля, молчали и созерцали тропический дождь, который лил сплошным потоком, стремясь превратить улицы Ханоя в бурные непреодолимые реки. С этими потоками безуспешно пытались бороться редкие велосипедисты, которые вынуждены были спешиться и тащить на себе свои машины против течения.

Продолжительный ливень при полном отсутствии какого-либо движения воздуха располагает к размышлениям или ко сну, чем и занимались немногочисленные постояльцы отеля Хёнг Сен, волей судьбы оказавшиеся в эти дни с нами под одной крышей. Отель был маленький семейный всего на десять номеров, и его немногочисленными гостями было две или три пары американских туристов, а также группа из пяти голландских студентов, вознамерившихся на велосипедах проехать от Ханоя до Хуэ и теперь ожидавших улучшения погоды.

Встречались мы только во время завтрака и ужина, предпочитая занять свободные места в той части расположенной под навесом террасы, из которой виден старый французский сад, довольно сильно одичавший за шестьдесят лет, прошедшие после провозглашения Демократической Республики. Несмотря на неухоженность, сад заложенный в эпоху танкинского протектората был очарователен в любую погоду. Но

сейчас во время непрекращающегося третьей сутки дождя он казался особенно живописным и таинственным. Кроны высоких деревьев растворялись в клубах поднимающегося от земли пара. А с лиан, которые словно гибкие питоны обвивали могучие стволы, свешивались длинные бороды мокрого лишайника, делая деревья похожими на оживших драконов.

- Что это за громадное дерево у вас перед домом? - Спросил я хозяина отеля, который подошёл чтобы подлить третий кипяток в маленький чайничек с голубыми рыбками на изящной фарфоровой крышке. Мы иногда выпивали по пять-шесть таких чайничков, наслаждаясь необыкновенно тонким ароматом неизвестных нам местных зелёных сортов чая, вкус которых постепенно таял с каждой новой заваркой, но никогда не исчезал до конца.

Широколиственное дерево, о котором я спрашивал, впечатляло невероятными размерами своего покрытого бурыми пятнами гигантского дуплистого ствола. Ничего подобного нам не приходилось видеть ни на юге, ни в центральной части страны, откуда мы лишь недавно вернулись в столицу.

- Это дуб, - ответил вьетнамец, едва взглянув в сторону указанного мной колосса, - это очень-очень старый дуб. Его посадили прежние французские хозяева, которые владели отелем за долго до японской оккупации.

- Дуб? - удивился я. Мне приходилось видеть довольно много разных дубов: обычный среднеевропейский дуб столь распространённый в наших подмосковных лесах, украинский коряжистый дуб, который до сих пор встречается на берегах Днепра и Северского Донца, светлый мелколиственный дуб украшающий многочисленные парки Джорджии и Флориды, и наконец, грандиозный каменный дуб, нависающий толстыми черными стволами над старинными аллеями бывших рабовладельческих плантаций, что сохранились до наших дней вдоль берегов величественной Миссисипи от Нового Орлеана до самого Мемфиса.

Но этот вьетнамский дуб с его глянцевыми необыкновенно широкими, как тарелки листьями, с которых потоками стекала дождевая вода, был не похож ни на один из тех дубов, которые я встречал прежде.

- А вон там, что за дерево? - спросила Марго, показав вьетнамцу на невысокое мелколиственное дерево с плоской широкой кроной, усеянной множеством красных цветов.

Лин Тьен, так звали хозяина отеля, прищурившись, внимательно посмотрел на цветущее дерево.

- Это дуб, - сказал он, немного подумав. - Его посадил мой дед. Это было при Чан Кай Ши, больше чем шестьдесят лет назад, прикинул он.

- Как, и это дуб, и то дуб? - удивились мы.
- Да, - ответил вьетнамец, - но это разные дубы.
- А что за дерево вон там у поворота дорожки? -
поинтересовался я, чтобы окончательно убедиться в
своей догадке, и указал на молодое стройное похожее на
эвкалипт дерево с узкими листьями и гладким розовым,
словно отполированным, стволом.

Хозяин задумчиво поскрёб лишённый растительности
подбородок.

- Это дуб, - услышали мы, не обманувшись в своих
предположениях. - Его посадил мой дядя. Это было
после того, как русские и американцы, наконец,
договорились между собой и покинули нашу страну, и
во Вьетнаме. наступил мир.

- Что же у вас, что не спросишь, то дуб, - засмеялась
Марго. - У вас что, все деревья называются дубами?

- Почему все, - обиделся Лин, - разные деревья
называются по-разному. Есть дубы, а есть пальмы...

- К вам можно присесть, услышали мы приятный
женский голос, который произнёс это по-русски.

Перед нами стояли двое молодых людей. Это была
супружеская пара из Питера, которая только вчера
прибыла в отель и поселилась в комнату, недавно
освобождённую нашими улетевшими в Москву
коллегами. Они очень обрадовались, узнав у хозяина

гостиницы, что здесь живут русские геологи, и поспешили с нами познакомиться. Девушка, которую звали Татьяна, рассказала, что они измучены голодом. А молодой человек, представившийся Борисом, уточнил, что они уже больше недели путешествуют по Вьетнаму, и за всё это время ни разу не рискнули употребить что-нибудь из местной кухни, кроме некоторых фруктов и фабрично упакованных йогуртов.

Узнав, что мы живём во Вьетнаме уже пятый месяц, ребята стали расспрашивать, что здесь можно есть, а чего следует опасаться. Оба были наслышаны об инфекциях, подстерегающих путешественников в этой всё ещё, по-своему, экзотической стране.

Марго объяснила, что в этом отеле на кухне вполне чисто, и еда очень приличная, поскольку отель адаптирован под слабые европейские желудки.

И хотя сами мы завтракаем только яичницей, но вообще кушать здесь можно практически всё. И сами мы избегаем, пожалуй, только свинины, чтобы совсем уже к минимуму свести риск желудочных заболеваний, и жаренных насекомых, которых вьетнамцы продают с лотков, как каштаны или семечки. Всё же бережёного бог бережёт.

Обрадованные ребята тут же заказали с голодухи кучу разных блюд, а пока те готовились, приятно тревожа нас ароматами жареной говядины и вьетнамских приправ, мы разговорились.

- Скажите, в Ханое зимой всегда такая ужасная погода?
- поинтересовался молодой человек.

- Да, что вы, - ответили мы, - дождь льёт только третьи сутки. А до этого здесь было тепло и солнечно.

- Я же тебе говорила, - назидательно сказала мужу Татьяна, - эти дожди гоняются за нами. И я всё это заранее чувствовала. Ты просто не желаешь меня понять, вот и получай результат.

Вы не поверите, - обратилась она к нам, - только мы приземлились в Хошимине, как там начались дожди. Перебрались в Дананг, и полило так, словно плотину над нами прорвало. Приехали в Далат, славящийся здоровым и сухим климатом, и снова нас настигла непогода. Теперь вот Ханой. Господи, как я устала от сырости, из-за которой, кажется, не осталось ни одной сухой майки в наших чемоданах.

Нам оставалось только посочувствовать бедолагам.

- Таня, ты говоришь ерунду, - сказал Борис, по-видимому, продолжая какой-то давно тянувшийся между ними спор. - я тебе, как физик, говорю, что погода не может гоняться за тобой, словно кошка за мышью. Такого не бывает. Ты должна примириться с мыслью, что нам просто очень не везёт, и ничего тут не поделаешь. Если бы мы прилетели неделей раньше или тремя днями позже, всё могло быть совсем по-другому.

- Неправда, - не сдавалась его упрямая супруга, - три дня или месяц, ничего бы не изменили. Я с самого начала знала, что нас во Вьетнаме замучают дожди и болезни. Они просто ждали, когда мы приедем сюда, чтобы обрушить на нас всю накопившуюся в небесах воду. Не хватает ещё заболеть в этом гнилом климате. Это ты настоял на этой поездке и теперь не хочешь признавать, что я была права. А надо было слушать меня и лететь в Турцию. Там мы бы прекрасно провели время. Теперь, если я вдруг разболеюсь, ты один будешь в этом виноват.

- Ты просто несёшь пургу, - горячо возразил Борис. - мне даже стыдно за тебя перед соотечественниками. Погода формируется в результате взаимодействия температуры и разных атмосферных факторов, по большей части случайных, а затем воздушные массы перемещаются над поверхностью земли, подчиняясь совершенно определённым физическим законам. И никоим образом дожди не могут зависеть от твоих страхов, желаний или предчувствий.

Завершив столь убедительную речь, он обратился к нам в надежде на поддержку.

- Вот, заладила себе одно, что нам якобы изначально суждено было мокнуть в юго-восточной Азии. И надо же, именно так и получается. Вы хоть скажите ей, что это просто нелепая случайность, и ничего больше.

Мы с Марго переглянулись и, конечно, сразу же вспомнили об одном и том же.

Однако мне было жаль бедного Бориса, вынужденного ежедневно выслушивать поучительные сентенции раздражённой супруги. Поэтому я хотел было уже встать на его сторону, когда почувствовал лёгкий пинок в коленку. Марго смотрела на меня с невинной улыбкой и покачивала головой. Я понял, что этот спор останется за Татьяной, поскольку моя жена, по-видимому, из чувства женской солидарности решила-таки поддержать девушку.

- Знаете, Борис, - сказала Марго, - в юности, я рассуждала точно также, как и вы. Но сейчас после того, как мы с мужем были свидетелями разных удивительных событий, которым не всегда возможно найти логическое объяснение, я вполне допускаю, что в словах вашей супруги есть доля истины. И я почти уверена в том, что и Юрий скажет вам то же самое.

- Помнишь, - обратилась Марго ко мне, - тот случай с Вильмой? А ведь Репс нас тогда тоже заранее пытался предупредить...

- Вот видишь, - обрадовалась Татьяна, неожиданному союзнику, - опытные люди тоже тебе говорят, что многое есть в природе такого, что вам, учёным, не доступно для объяснения.

- А не могли бы вы рассказать, кто такая эта Вильма, про которую вы упоминали, и о чём вас предупреждал Репс? - поинтересовалась девушка, явно рассчитывая на окончательную победу в споре с супругом, не желающим признавать её сенсорные способности. - Если, конечно, вы не торопитесь, - добавила она, бросив безнадёжный взгляд в окно. - Мы-то сегодня наверняка весь день проведём в номере и ни на какую экскурсию в такой дождь не выберемся.

- Сегодня и у нас выходной, - ответила ей Марго. - и, думаю, нам тоже придётся весь день просидеть в гостинице. Юр, расскажи им про тот случай. У тебя это лучше получится.

Я налил себе четвёртую заварку. Отчёт по итогам проведённых работ был практически завершён. В понедельник можно будет представить его заказчикам, а в среду, наконец, получить окончательный расчёт и собираться домой.

Но сегодня спешить было некуда. Можно сколько угодно пить чай и предаваться воспоминаниям. Фунаньские мудрецы говорили, что только шестидесятая заварка позволяет достичь истинного наслаждения тончайшим вкусом божественного «Сердца Дракона». Таким образом до нирваны оставалось ещё целых пятьдесят шесть заварок.

Лето 2005-го года выдалось очень напряжённым. Поэтому отпуск по окончании сезона мы решили провести подальше от дома и максимально интересно. Перебрав возможные варианты, остановились на двухнедельном путешествии на внедорожнике по национальным паркам и дорогам Дикого Запада. Наметили интересный маршрут, а чтобы в дороге было веселее, пригласили в компанию нескольких хороших друзей. И набралась у нас вполне приличная группа аж в одиннадцать человек, на целых три автомобиля.

К отбору попутчиков мы отнеслись внимательно, приглашая к участию в автотуре только тех, кого хорошо знали лично. И только Женю Назарова пригласили по рекомендации Игоря. Да и то потому лишь, что Женя был доктором. А жизнь нас учит, что доктор в дальней поездке лишним не бывает. Не менее он важен в путешествиях, чем, хороший повар, или опытный штурман. Навигаторов в ту пору в мобильниках ещё не было. Да и в прокате они появились позже.

- Ты, Женя, - спрашиваю я его, - ежели что случится, помочь сможешь?

- А что, - заинтересовался он, - должно случиться?

- Почём же я знаю. Да всё что угодно. Например, вывих..., или, не дай бог, отравится кто, или грипп кого свалит. Всякое ведь в дороге бывает.

- Насчет вывиха, - говорит Женя, - разберёмся. А вот с отравлениями я, конечно, не специалист. Вот если отрезать кому-нибудь что-то потребуется, или, наоборот, пришить, тогда, конечно, без проблем. Всё же я не

терапевт какой, а хирург-онколог. Что же касается гриппа, то я бы заранее посоветовал всем привиться. Сам я, например, прививаюсь каждый год и другим советую. Давно убедился, как прививка помогает.

- И как же? - спрашивает его Веруня, - неужели ты совсем гриппом теперь не болеешь?

- Этого пока сказать, конечно, нельзя, - смутился доктор, - к сожалению, пока ещё болею, но не так опасно, как было бы без вакцины. Вот в этом феврале сразу после прививки всё наше отделение свалилось с гриппом. У меня температура под сорок подскочила. Две недели мучился, чуть не помер. А представляете, что было бы со мной, если бы я не привился?

Мы друг на друга посмотрели. Нет, говорим единодушно, прививок нам, пожалуй, не надо. Мы уж как-нибудь по старинке обойдёмся...

А вот с Вовкой, которого в определённых кругах знают, как Репса, я к тому времени дружил без малого тридцать лет. Да и Марго его знала не на много меньше. Он свидетелем ещё на нашей свадьбе был.

Надо сказать, что с рациональной точки зрения, присутствие Репса в любом путешествии изначально лишено какого-либо практического смысла. Толку от него не много. Любые попытки использовать его профессиональные или физические качества на благо общества будут пресечены искренним недоумением, а то

и возмутительной безответственностью. Ибо к вечеру он будет изнурён тяжело прошедшим днём, но клятвенно пообещает встать утром пораньше и выполнить взятые ещё неделю назад на себя обязательства. Однако утром вы обнаружите его спящим праведным сном младенца, и все ваши угрозы оставить его в палатке одного среди диких гор, вряд ли произведут на утреннего Репса хоть какое-то впечатление. Все эти несущественные особенности характера не раз отпугивали от Репса людей с завышенной самооценкой, привыкших к тому, чтобы поручать другим наиболее сложную часть работы.

Но, если вы хотите, чтобы ваше путешествие получилось эмоционально волнующим, душевным и запоминающимся, то без Репса вам обойтись просто невозможно. Феномен его присутствия не осязаем грубой физической практикой. И его столь же трудно научно объяснить, как и то, зачем на новоселье вы запускаете в новую квартиру, казалось бы, бесполезного в хозяйстве кота.

Пожалуй, это удачное сравнение, ибо коты, как известно, отличаются особенной восприимчивостью к электромагнитным колебаниям, как исходящим из глубин нашей планеты, так и достигающих земной поверхности из далёкого Космоса. Возможно, поэтому наиболее тонко чувствующих женщин так неудержимо тянет к этим усатым баловням природы.

Репса можно приглашать одного, а можно с женой, если в данный момент он обременён брачными узами, значения это не имеет. Его необыкновенное обаяние,

своеобразное чувство юмора, любовь к бесплодным дискуссиям, заурядная эрудиция и способность к глубокому осмыслению самых незначительных, на ваш взгляд, событий, как и ещё куча не востребуемых талантов, сделает любое путешествие в компании этого человека незабываемым приключением. И совершенно неважно, куда вы направляетесь, в короткую ли загородную поездку на шашлыки, или в серьёзную экспедицию в какую-нибудь дальнюю точку земного шара.

Надо признать, что Репс с самого начала подошёл к вопросу изучения запланированного нами маршрута с интересом профессионального географа. Он перечитал кучу полезной литературы и ознакомился с советами для туристов. Но особенно его в этот раз почему-то заинтересовали естественные катаклизмы возможные в местах нашего путешествия. Ведь Америка, известное дело, страна всякого рода природных аномалий.

Поначалу его интерес был довольно разносторонен и охватывал весьма широкий спектр возможных катастроф, начиная от землетрясений в районе разлома Сан-Андреас и селевых сходов в горах Тетона, до смертоносных торнадо и убийственных цунами.

Вскоре, однако, он сосредоточил своё внимание исключительно на явлениях метеорологического характера. Возможно, на глаза Репсу попала какая-то статья о печальных последствиях океанских тайфунов, которых американцы довольно метко называют

харикейнами. Но может быть, он уже тогда шестым чувством предугадал смещение магнитных полей в верхних слоях атмосферы, и это заставило его на подсознательном уровне почувствовать приближение опасности, которая потихоньку начала приобретать всё более конкретные очертания.

Твёрдо я могу сказать только то, что в те летние дни 2005 года даже сам господь бог никакой Вильмы, скорее всего, ещё не планировал. Хотя в начале июля спокойствие в воздушных слоях над Карибским морем было нарушено чередой небольших фронтов, быстро смещающихся в сторону Мексики и Соединённых Штатов, которые вызвали серию незначительных штормов у берегов Мексиканского залива.

И вот маршрут готов, авиабилеты куплены, мотели забронированы и автомобили зарентованы. Наша компания пребывала в неторопливом ожидании, ибо вылет ещё был не скоро, только 8-го октября. Народ лениво позванивал мне, каждый со своими насущными вопросами. Интересовались, сколько денег на карточку имеет смысл положить, что из одежды потребуется, стоит ли брать с собой жену, а также колбасу и солёные огурцы. Оказывается, некоторые слышали, что у американцев с едой дела обстоят неважно, и кроме безвкусных бургеров и куриных окорочков, есть особенно нечего.

И только одного Вовку мучали вопросы стратосферного масштаба. Его всё больше ураганы беспокоили. Я его, конечно, успокаивал, как мог. Объяснял, что в США сезон ураганов июль-август. Ну, иногда сентябрь прихватывает. А мы в октябре едем, какие там ураганы.... Вероятность такого события, говорю, в общем-то незначительная.

Так значит, тревожится Репс, вероятность всё-таки существует?

Существует, говорю, в виде неправдоподобно малой случайности, не больше той, что выйдя в своём Екатеринбурге на улицу Ленина, ты повстречаешь на трамвайных путях горную гориллу.

И только он успокоился, как началось. У берегов Французской Гвианы, Венесуэлы и Гренады сформировались подряд несколько приливных циклонов, которые один за другим двинулись на Мексику и США. Первой из серьёзных харикейнов этого сезона стала Эмили, которая достигла при выходе на побережье Юкатана пятой категории и разорила Канкун. Потом она устремилась дальше на северо-запад, где вторично вышла на побережье Мексики и рассыпалась над горными хребтами Кордильер, немного не дотянув до Калифорнии.

В августе после нескольких небольших ураганчиков дело и до Катрины дошло. Той самой, которая первой из пятизвёздочных харикейнов 2005-го года, достигла берегов США, разрушила дома и дамбы и затопила южные пригороды Нового Орлеана. Мало того, что

около двух тысяч семей лишились домов, так она ещё повыковыривала из прибрежных лагун и окрестных болот кишущих там аллигаторов и щедро забросала зубастыми тварями пляжи и посёлки трёх южных штатов.

Тут Володя снова забеспокоился об общей нашей безопасности и погрузился в глубокое изучение истории ураганов и печальных последствий их разрушительной деятельности.

А тем временем нам с женой в голову пришла гениальная мысль, что было бы классно после напряжённого авторалли по западным штатам отдохнуть на пляжах благословенной Флориды. И вполне естественно, что Вовке с Оксаной мы предложили присоединиться к нам. Давайте, говорим, ребята, после напряжённого маршрута хотя бы на недельку устроим себе праздник жизни на гостеприимном побережье Атлантического океана. Там как раз бархатный сезон начнётся. И жить есть где. У старого нашего приятеля Роланда всего в полусотне километрах к северу от Майами есть уютный и недорогой отельчик на Дирфилд Бич. Место волшебное: пальмы, золотой песок, пляж буквально в двух шагах от гостиницы. Нет там ни сутолоки большого города, ни уродующих облик любого благородного курорта небоскрёбов. Зато попугаи живут в кронах дубов и кипарисов, пеликаны рыбачат прямо с пирса, а грифы в небесах кружат точно также, как

кружили их предки над просторами Эверглейдса тысячу лет тому назад. Патриархальная, но комфортабельная деревня, одним словом.

Что же до стоимости проживания, то Роланд нам, как старым клиентам, предлагает просто символические цены, которыми грех не воспользоваться.

Вовка, естественно, спрашивает, а как там дела обстоят с ураганами в октябре. Я, говорит, прочитал, что во Флориде ураганы тоже случаются.

Бывает, говорю я ему, и во Флориде ураганы, и отрицать это было бы нелепо. Но, во-первых, случаются они существенно реже, чем в той же Луизиане или на Багамах, а во-вторых, возможны харикейны, в худшем случае, до середины октября. А после пятнадцатого, это уже случайность из области бесконечно малой вероятности, которую мы, как люди грамотные, всерьёз в расчёт принимать не должны. И учитывая любовь Репса, к цифрам, уточняю, что последний приличный ураган, накрывший флоридский полуостров, случился в далёком 1978 году.

Тут Репс, к моему удивлению, вместо того чтобы обрадоваться, наоборот, напрягся.

- 1978-й год, - говорит, - не самый был лучший год в моей не простой биографии. Как раз в 1978-м меня из университета турнули из-за не сданного, по вине завкафедрой, зачёта. И в том же году дотянулись до меня длинные руки министерства обороны

- Даже, если это было в 1978-м, - удивляюсь я, - то, причём тут харикейн на другом конце планеты?

- Этого, - отвечает Репс, - я пока ещё сам объяснить не могу, но интуитивно чувствую некую электрическую связь между экстремальными явлениями и моей скромной персоной. Неужели, - спрашивает, - ты сам не видишь вполне очевидной корреляции.

- Да ладно тебе, - говорю я снисходительно. - Не стоит преувеличивать роль личности в метеорологии. Даже такой неординарной личности, как твоя. И вообще, тот ураган - дела давно минувших дней. С тех пор целых более четверти века прошло, и заметь, за это время над восточной Флоридой не зафиксировали ни одного мало-мальски разрушительного шторма. Не думаю, - шучу я, - что тот прошлый харикейн тебя вспомнит.

Репс благоразумно спорить не стал. - В общем-то, - говорит, - я и сам понимаю, что всё это какая-то ерунда. Тем более бабушка готова с дочкой посидеть ещё неделю. Да и Оксанка вроде тоже не против Флориды. Так что возражений у нас никаких нет.

Ну, и замечательно. И мы забронировали у Роланда двое апартаментов на неделю, начиная с двадцать второго октября.

В середине сентября Вовка снова звонит мне в Москву. - Слушай, - говорит, - я тут посчитал, что за два летних

месяца и половину сентября количество штормов и ураганов в карибском регионе уже удвоилось по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. И у меня опять возникли нехорошие смутные предчувствия.

- К чёрту, - совершенно искренне отвечаю я ему, - твои предчувствия. Как бывший военный синоптик, с солидной практикой двухлетней службы, могу объяснить, что избыточная энергия, накопленная в атмосфере за прошедшее жаркое лето, разрядится в этой массе незначительных штормов. Океан соответственно быстрее охладится, градиент температур выровняется, и вероятность каких-либо существенных погодных аномалий в октябре от всего этого снизится практически до нуля.

Всё это, говорит Репс, я прекрасно понимаю. Чай, образование имею подлиннее твоего (это он в плане того, что вдвое дольше в университете учился), но я о том, что прогнозы всё-таки бывают и ошибочны. Всё что угодно случиться может.

И вот уже наступает октябрь, и через неделю нам вылетать. И тут бац, и ураган Стэн против всяких правил, обрушивается на Гондурас и Гватемалу. А затем несколько дней беспощадно метелит мексиканский штат Кинтана-Роо. И хотя категория у него выше четвёрки не поднималась, но вызвал он в Мексике и Гватемале жуткие наводнения и горные оползни, в результате чего убил рекордное количество тамошних граждан.

Володька звонит с упрёком.

- Ты же, - говорит, - утверждал, что в октябре сезон ураганов заканчивается, а смотри, что этот Стэн творит.

Мне, конечно, становится неловко.

- Что делать, - оправдываюсь, - это дело случая. Всегда существует малюсенькая вероятность того, что и в октябре какой-нибудь сумасшедший ураган может сквозь формулы теории вероятности и прорваться.

- Не фигу себе, - удивляется Репс, - малюсенькая вероятность. А ты знаешь, что Стэн этот, который только что угрожал 1666 человек, стал рекордным по своей смертоносности после 1933 года. И вообще это уже двенадцатый по счёту тропический ураган в регионе только за этот сезон. Чувствуешь, - спрашивает, - чем это пахнет?

- Нет, - говорю, - ничего особенного не чувствую. Ну, да, 1666 жертв большая, конечно, и трагическая цифра. К тому же с подозрительными тремя шестёрками в конце. Кто ж спорит? Но заметь, что Стэн всё же не тринадцатый ураган, чтобы так близко к сердцу принимать всякие безосновательные суеверия. Ты лучше посмотри на это с другой стороны. То, что харикейн Стэн сформировался в начале октября, очень даже для нас неплохо. Ибо всем известно, что дважды снаряд в одну воронку не попадает. Два урагана в одном октябре закономерно случиться не могут. Поэтому именно теперь нам ничего подобного не угрожает.

В положенный день 8 октября вылетели мы в Лос-Анджелес.

Прилететь не успели, Репс наш уже в аэропорту крайне встревожен. Только что, говорит, по телевизору передали, что очередной тропический шторм над Ямайкой сформировался. Зовут его Вильма. Это он каким-то образом успел узреть на мониторах, пока мы в очереди на паспортный контроль стояли.

Нехорошее имя, говорит Маша, которая слышит этот разговор. У нашего соседа кавказская овчарка была огромная. Её тоже Вильма звали. Мало того, что она злобная была, так, зараза, ещё и ревнивая, как Медея. Представляете, терпела, терпела ребёнка их малого, а однажды, когда случай представился, едва не загрызла малыша насмерть. Вцепилась в него, насилу отбили.

Вовка хотя немного и побледнел, выслушав эту драматическую историю, но в целом держался молодцом.

- Да ладно, - говорю я ему, - не бери в голову. Мало ли, как собачку назвали. Ты лучше на карту посмотри, где Ямайка, а где Лос-Анджелес. Что нам на таком расстоянии может грозить.

- То, что Ямайка от нас далеко, мне понятно, - отвечает Репс. - Но вот Флорида на много ближе. И шторм, как сообщают, как раз начал двигаться в её сторону.

Ну и пусть себе движется, смеюсь я. Ничем шторм Флориде не грозит, кроме сильных волн и дождя. А мы и вовсе во Флориду ещё только через две недели попадём.

За это время любой шторм закончится и забудется. Не живут они так долго. Читай, - говорю, - учебник по Общей Метеорологии.

Репс головой покачал, но опять спорить не стал. Ушёл, занятый какими-то вычислениями.

И поехали мы по легендарным дорогам Дикого Запада, проложенным Льюисом и Кларком, по местам индейцев апачи, навахо и хопи. А места эти, надо сказать, красоты необыкновенной. Пейзажи величественные, порой, марсианские. Седона с её причудливыми красными скалами и необъяснимыми «местами силы» - вортексами, Гранд Каньон с его бездонной глубиной и теряющимися вдали ступенями разноцветных склонов. Потом Долина Монументов, знакомая всем нам по культовому фильму Золото Маккенны...

Дня через три Репс, который умудрялся в самых диких местах новости узнавать, говорит,

- Между прочим Вильма из тропического шторма усилилась до урагана. И теперь получила статус тринадцатого харикейна в нынешнем году.

Я, конечно, очень удивился. Даже неудобно стало за эту Вильму, которая так нагло попирает не только фундаментальные законы теории вероятности, но и подрывает своим несвоевременным появлением мой авторитет в глазах товарищей. Но против фактов, известно, не попрёшь. Вот тебе и невероятная случайность. Похоже, второй снаряд попал-таки в

октябрьскую атмосферную воронку. Но то ещё странно, почему это Вильма Флориду до сих пор не миновала.

- Потому, - отвечает Репс, - не миновала, что она вообще не пошла брать Флориду в лоб, а развернулась в противоположную сторону, и теперь медленно движется на запад к центральной Америке. И я не удивлюсь, фантазирует он, если Вильма Кубу решила кругом обойти, чтобы неожиданно на Флориду с другой стороны напасть.

Ну, это он совсем уже рассмешил.

- Ты что, - говорю, - всерьёз полагаешь, что ураган способен на такой немыслимый пируэт? За кого ты его принимаешь. Может в твоём воображении подобный маневр и возможен, но в природе такого не бывает. К тому же поступательное движение этой Вильмы столь медленное, что пока она до Юкатана доберётся вся её разрушительная сила закончится. Рассыпется циклон, как пить дать.

Сказал и забыл про Вильму. Но, как оказалось, зря.

Проехали мы национальный парк Арчи с его грандиозными природными арками, продутыми в красных песчаниках восточными ветрами. Пересекли каньоны и долины Юты. Миновали выжженные просторы Долины Динозавров, и прибыли в Джексон-Холл, штат Вайоминг.

Хорошо проходит наше путешествие, по плану, а главное, без происшествий.

В Вайоминге нас встретила осень. Небо синее бездонное. Колки жёлтых берёз и рощи белых осин стоят в золотой листве, а над ними возвышаются заснеженные вершины Великого Титона. Ручьи студёные по камням с гор весело сбегают, и очень ещё тепло для середины октября. Здесь в Америке золотая осень индейским летом называется.

Все довольны и вполне беззаботны. Только Репс настроен серьёзно. Ни одних новостей от Центра Мониторинга Ураганов не пропускает и за завтраком метеоинформацию нам докладывает.

- Вильма, - рассказывает он, - на подходе к Юкатану усилилась до разрушительной третьей категории, и пройдя Каймановы острова, сейчас зависла где-то на траверсе Белиза.

Но все как-то равнодушно отнеслись к этой новости. Оно и понятно. Ведь мы далеко на север ушли и находились теперь в пяти примерно тысячах километрах севернее Белиза. И какое нам до далёкого урагана, спрашивается, дело.

Когда прибыли в Йеллоустоун, Репс, по-видимому, попав под впечатлением от грандиозных гейзеров, горячих серных бассейнов и первобытных бизонов, ненадолго забыл про Вильму. Поэтому последующие несколько дней тринадцатый ураган сезона провёл без его контроля.

В маленьком городке Элко, ни сотовой связи, ни телевизора в отеле не оказалось. Приветливые хозяева предлагали постояльцам при необходимости бесплатно воспользоваться их стационарным телефоном для местных звонков, а свободное время рекомендовали приятно скоротать в уютном семейном казино, которое по счастливой случайности, располагалось здесь же на нижнем этаже гостиницы. Более того, они благородно предложили нам щедрый бонус в качестве бесплатной второй ночи в отеле на случай, если мы пожелаем отыграться после проигрыша, или, наоборот, захотим закрепить выигрыш.

Мы их послушали и сразу после ужина дружно направились в казино.

Заведение это располагалось в исторической части отеля и привлекало внимание безумными бардовыми интерьерами. Экстравагантный дизайн объяснялся историческим прошлым придорожной гостиницы, в которой в конце девятнадцатого века находился один из лучших в Америке борделей, привлекающий в эти не слишком гостеприимные места одичавших золотоискателей и редких путешественников.

В тот памятный вечер нам всем в руки шла карта. Такого я, пожалуй, не видел ни до, ни после. Выигрывали все члены нашей небольшой команды, не зависимо от пола, возраста, стажа и предыдущей игровой подготовки.

К концу дня наиболее удачливыми были, конечно, Герасимовы. Но и Репсы тоже не ударили в грязь лицом, взяв второй по величине куш.

Однако на следующее утро за завтраком выяснилось, что самым счастливым среди нас в итоге оказался доктор. Женя попал в казино впервые в жизни, и до утра сражался с одноруким бандитом. Одержав в итоге убедительную победу, он выиграл целое состояние, полностью окупив всю свою поездку в Америку, включая авиабилет и весь пансион.

Весть о нашем необыкновенном везении уже распространилась среди немногочисленных гостей отеля. Несколько воодушевившихся дальнобойщиков сразу после завтрака крепко засели за игровые автоматы. Увы, безуспешно они пытались повторить выдающийся результат нашего доктора, понемногу компенсируя встревоженным хозяевам их ночной кошмар.

К сожалению, обратной стороной нашего удачного блиц-набега на казино стало то, что на утро владельцы отеля отнеслись к нам значительно прохладнее, чем накануне и не только не напомнили о предложенном ранее привлекательном бонусе, но даже не потрудились скрыть своей радости в связи с нашим отъездом.

На берегу расположившегося в кольце голубых гор озера Тахо мы узнали от Репса, что с ураганом всё в порядке. Теперь, благодаря настойчивости нашего друга, все мы чувствовали какую-то личную связь с

тринадцатым ураганом, и уже сами интересовались у Репса последними новостями.

Как-то вечером Серёга Герасимов сам поднял эту волнующую тему. Странно всё-таки, говорит, казалось бы, давно уже пора было любому циклону или убраться из Карибского бассейна на север, или разрушиться. А эта штукавина всё стоит на месте и крутится, крутится какой уже день..., словно выжидает чего-то.

Все согласились, что никакими теориями такое поведение урагана объяснить невозможно. Никто из нас ни о чём подобном ранее не слушал. Кто-то предложил даже устроить что-то типа тотализатора, со ставками на жизнестойкость тринадцатого урагана. Но Репс устыдил нас, заявив, что не стоит дразнить судьбу столь вульгарными развлечениями. Знаете, сказал он, допивая очередную банку будвайзера, я уже давно понял, что Вильма, это не совсем обычный ураган.

В каком это смысле необычный? спрашивает Веруня, подошедшая к нам, чтобы немного промочить горло. Она как раз закончила исполнять на гитаре тоскливую ковбойскую песню в стиле старого доброго кантри, вызвав шквал аплодисментов у седобородых байкеров, отмечающих какое-то торжество за соседним столиком.

А в том необычный, отвечает Репс, что я её чувствую. И есть у меня ощущение, что и она меня тоже чувствует и стремится со мной вступить в метеоконтакт. Мне кажется, что она каким-то образом поняла, что я

собираюсь во Флориду, но пока не знает когда именно это случится. Вот и выжидает.

Ну, мы поулыбались, конечно. Стали его убеждать что, как ни крути, остались Вильме считанные дни, а может быть даже и часы. Убеждать-то убеждаем. Но у меня лично уже первые сомнения возникли. И осадочек нехороший после Вовкиных слов остался.

Миновав прославленный Джеком Лондоном Сакраменто, над которым висел рыжий дымок с кисловатым привкусом ржавчины, мы стремительно спустились в Сан-Франциско. И здесь-то и узнали, что харикейн Вильма, который усилился до пятой категории, теперь является главной сенсацией всех американских новостных каналов.

На экранах телевизоров в ресторанах и барах города дикторы наперебой рассказывали о беспрецедентной продолжительности жизни Вильмы, которая после долгого томительного вращения, наконец, тронулась с места и, словно вагон, сорвавшийся с тормозов, понеслась на сушу.

На следующий день все наблюдали, как Вильма лихо врезалась в самый нос Юкатанского полуострова в районе Плайя дель Кармен, за какой-то час пронеслась до Канкуна, сея по пути хаос и разрушение, и отразившись под прямым углом словно бильярдный шар, от береговой линии, вновь вернулась в залив, где и замерла в непонятном ожидании.

Но вот настал конец нашего авто-путешествия. Двадцать второго октября 2005 года мы распрощались и разлетелись из Сан-Франциско в разные стороны света. Четверо, включая меня, Марго, Репса и Оксану вылетели во Флориду.

Спустя пять часов, при подлёте к аэропорту Форт Лаудэрдэйл командир экипажа сообщил, что наш самолёт, последний, которому разрешили посадку на аэродроме, поскольку Флорида, готовится к скорой встрече с ураганом Вильма.

Ещё через час, уже добравшись до своего отеля, мы узнали от встретившего нас Роланда, что Флорида закрывается в ожидании Вильмы и жителям рекомендуют покинуть территорию штата. Оказалось, что пока мы летели, ураган расправил свои затёкшие крылья и рванул через Мексиканский залив параллельно нашему курсу на Флориду, завершив таким образом тот самый пируэт вокруг Кубы, который был невозможен ни при каких обычных метеорологических условиях.

С момента зарождения Вильмы у берегов Ямайки прошло две недели. Грош цена всем долгосрочным метеопрогнозам и теориям.

Мой рассказ был прерван подошедшей официанткой. Это была Тхи миловидная вьетнамка, дочка хозяина Лин Тьена. Тхи была студенткой ханойского университета, а по выходным подрабатывала у отца в ресторане. Она

подкатила к нашему столику тележку с заказанным завтраком.

В мгновение ока наш стол был заставлен тарелками с салатами, мясом, вьетнамскими роллами и креветками. В довершения ко всему на верху горы из французской жаренной картошки величественно расположилась пара отваренных лангустов, похожих на рогатых чудищ юрского периода.

Ребята набросились на свой завтрак с азартом Грангузье и Гаргамеллы, обожравшихся в канун рождения Гаргантюа.

- Боже мой, какая же я голодная, - призналась девушка.
- Но больше всего на свете я соскучилась по жаренной картошке.

Мы сочувственно смотрели, как они утоляют недельный голод, а сами тем временем приканчивали восьмой чайничек изумительного чая «Запах Дракона». А может быть это был девятый чайник. Чашечки-то у вьетнамцев маленькие, миллилитров на двадцать пять, не больше. А чайничка хватает на пару чашек.

Когда дело дошло до французской картошки, Татьяна отложила вилку в сторону и со сладострастным стоном пальчиками изящно отправила в рот хрустящий поджаренный ломтик. За ним последовали и остальные.

Мы с Марго тревожно переглянулись. Но, поддавшись чувству неуместного этикета, не решились дать девушке

совет, который она могла бы воспринять, как вульгарное замечание.

- Понятно, - сказал Борис, приглушив основной голод, - что Вильму вам избежать не удалось. И всё же полуостров Флорида, на сколько я себе представляю, довольно обширный. Неужели нельзя было просто отъехать в сторону от пути урагана километров, скажем, на сто, подальше от стихии?

- Ты так ничего и не понял, - с укором ответила ему Татьяна, - ураган же шёл вовсе не на Флориду. Он следовал за Репсом. У них просто не было шанса. Точно также, как у нас с тобой не было шанса остаться сухими в этой стране. Мне, наверное, надо заболеть, чтобы ты, наконец, признал, на сколько я была права, когда хотела лететь в Турцию.

- Типун тебе на язык, Таня, - отрезал Борис. С чего бы тебе заболеть, если дожди тёплые, как парное молоко, а над головой у нас надёжная крыша.

- В общем-то мы именно так и подумали, - ответил я на вопрос молодого человека. - Первое, что пришло нам в голову, спешно уехать на взятых в ренту автомобилях подальше на север, чтобы наверняка избежать приближающейся опасности.

Остановило нас две причины. Во-первых, точно такая же мысль пришла в головы ещё примерно двадцати пяти миллионам граждан, которые в этот момент находились

в южной Флориде. В результате такого единомыслия два хайвея, ведущих на север 95-е шоссе и Торнпайк оказались мгновенно забиты транспортом. И хотя на выезд из Флориды в одном направлении работали все полосы обоих шоссе и ещё нескольких меридиональных дорог, тем не менее образовались гигантские пробки, из которых, как передавали в новостях, люди не могли выбраться часами. Самолёты тоже летать перестали, а других способов убраться с полуострова не было. Вторая же причина заключалась в том, что мы, как и многие другие, проживающие в нашей эрии, несколько успокоились, поскольку все расчёты показывали, что Вильма идёт строго восточным курсом, целясь на цепочку островов Флорида-Кис. И если даже и заденет полуостров, то только своим северным краем. То есть, в самом плохом для нас варианте, она зацепит южные пригороды Майами, а это всё же километров в восьмидесяти к югу от нас.

До столкновения с Вильмой, в любом случае, оставалось ещё не менее двух суток, вполне достаточно для того, чтобы подготовиться к осаде. Поэтому мы закупили дню на три воды, макароны, консервы, немного мяса. Вечером пошли прогуляться на пляж. Надо сказать, что погода во Флориде стояла волшебная. Жары не было, и лёгкий бриз дул с океана. Чайки, как обычно, носились над водой, орали и дрались, выхватывая друг у друга пойманную у берега рыбу. Кулички сновали вдоль самой кромки воды. Ничто не предвещало наступления урагана.

И вдруг в вечернем небе показались орлы. Грациозные птицы молча летели на большой высоте. Вначале их было несколько сотен. Но вскоре всё небо от севера до южного горизонта было в орлах. Их было несколько тысяч. Вы представляете, тысячи молчаливо парящих в вышине огромных птиц. Ни чем иным, как приближающимся ураганом объяснить такую массовую миграцию было невозможно. Но вот, что было удивительно, птицы летели вовсе не с островов Кис на север, что было бы вполне логично, если бы орлы слушали CNN и руководствовались прогнозом Центра Мониторинга Ураганов. Всё было наоборот. Поднявшиеся с бескрайних болот Эверглэйдс орлы летели на юг в сторону Майами и островов Флорида-Кис, куда по мнению синоптиков, и должен был через два дня обрушиться ураган Вильма.

За ночь скорость движения урагана почти удвоилась, а сила ветра также несколько возросла. Теперь Вильма неслась на Флориду со скоростью лихого поезда. Столкновение её с полуостровом приблизили на несколько часов раньше, прогнозируя его теперь в ночь с двадцать четвёртого на двадцать пятое. Направление урагана пока оставалось прежним, Вильма упорно двигался на Ки-Уэст. На всех островах и на самом юге Флориды была объявлена общая эвакуация. Те, кому уезжать было некуда, могли рассчитывать на убежища в многочисленных колледжах, университетах и церквях Майами.

Двадцать четвертое октября началось почти полным штилем. Казалось, природа затаилась перед нашествием стихии. Вообще Атлантический океан в низких широтах отличается тем, что редко бывает спокоен. Постоянно дующий бриз то с воды на сушу, то с полуострова на море, разгоняет крутую зыбь, а прибрежная волна неустанно перерабатывает песчаный берег, то углубляя его, то выравнивая.

А тут вдруг затишье. Ни ветра, ни зыби на воде. Океан гладкий, как озеро в безветренный день, и синий, как небо. Медленно плывут по нему отражения белых облаков похожих на неторопливые паруса. И тишину нарушает только тихий океанский прибой, который осторожно перебирает золотой песок.

Часов в девять утра со всего побережья в воздух поднялись пеликаны. Им потребовались сутки после орлов, чтобы почувствовать приближающуюся опасность. В отличие от орлов, каждый из которых летел сам по себе, пеликаны собирались в стаи и летели клиньями, каждый из которых возглавлял вожак. Стаи были разные. Одни насчитывали только десятков птиц, другие более полусотни. Излишне упоминать, что пеликаны летели на юг.

В двенадцать часов Центр Мониторинга Ураганов сообщил, что на подходе к Флориде Вильма ещё увеличила скорость и слегка изменила направление, взяв

чуть к северу. Теперь направлением главного удара на западном побережье Флориды назвали Марк-Айленд и Нэйплс. На восточном же побережье Вильму теперь ждали к десяти вечера в Майами. Эвакуацию с островов Кис приостановили. А Майами начал срочно готовиться к атаке стихии.

Часов в пять вечера вдруг переполошились чайки, дрозды, попугаи и прочая птичья мелюзга. Чайки первыми быстро куда-то слиняли. Мы так и не поняли куда. Возможно, рванули в океан на Багамы. А вот прочие птахи впали в безумную панику. Они беспорядочно носились по одиночке и стайками, истошно орали на все голоса, предчувствуя свой неминуемый конец, и явно пытались куда-нибудь спрятаться в укромное местечко: под крышами домов, в сливных трубах, в густой листве пальм и дуплах старых деревьев. Увы, через несколько часов большинству из них было суждено погибнуть.

Вильма надвигалась на Флориду чёрным похожим на гигантский мельничный жернов диском, с круглой дырой посередине. Её фотографировали со спутника, с военных самолётов, и непосредственно с западного берега полуострова.

Мне стало не по себе. Я до последнего не верил в то, что случится. Воспитанный в духе строго материалистического понимания мироустройства, я не мог примириться с мыслью, что ураган следует за нами, таясь, кружа и путая следы, как тигр, преследующий

каких-нибудь козлов. Общий проделанный Вильмой маршрут противоречил генеральному направлению ветров в регионе. Её эволюция шла в разрез со вторым началом термодинамики, теорией случайных чисел, и вообще всеми известными законами природы. А главное всё это противоречило здравому смыслу. Не мог же человек, даже такой экстраординарный, как мой друг, действительно предчувствовать опасность на расстоянии в тысячи километров за несколько недель, а может быть и месяцев до урагана. Или я чего-то в этой жизни не догоняю..., и не догоняет никто.

Вот и сейчас, все уверены, что Вильма идёт на Майами, но орлы-то и пеликаны почему-то считают по-другому. Значит есть что-то ещё, какие-то неосязаемые для нас поля, волновые коридоры, которые заранее маркируют будущую траекторию ещё не дошедшего до нас урагана.

Так или иначе, птицам я был склонен доверять больше, чем самым опытным аналитикам из Центра Наблюдения за Ураганами. Поэтому последние иллюзии исчезли. Мы начали готовиться к харикейну по серьёзному.

Когда Вильма достигла Марк-Айленда, Центр Мониторинга сообщил, что при выходе на сушу ураган неожиданно (!?) изменил направление и устремился прямёхонько на Бока-Ратон и Дирфилд-Бич. Карты этого немыслимого пасьянса, сложились в почти законченную комбинацию.

Бежать куда-либо было поздно. С одной стороны, любопытство пересиливало страх перед стихией, с

другой, не было никакой гарантии, что в условиях массового исхода беженцев из южной Флориды, мы не застрянем по дороге в пробках и не попадём под ураган прямо в пути. Посоветавшись, было решено не суетиться и оставаться в своей гостинице.

Отель Роланда был двухэтажным, комнаты наши находились на втором этаже, а двери выходили на общую террасу, ограниченную металлической балюстрадой. Терраса опоясывала отель со стороны внутреннего дворика, в центре которого находился бассейн. Фикусы и густой бамбук отгораживали территорию от соседнего участка.

Бетонные стены гостиницы внушали надежду на то, что они выдержат удар стихии. Нас немного нас тревожила крыша, но беглый осмотр позволял предположить, что там тоже должны были быть бетонные перекрытия или хотя бы крепкие железобетонные балки. Что касается окон, то приехавшая накануне рабочая бригада во главе с Роландом замуровала их броневыми ставнями, завинтив металлические щиты трёхдюймовыми болтами. Бронебойные стёкла в 2005-м году ещё были редкостью.

И только маленькое окошко в ванной комнате размером 16 на 10 дюймов было оставлено без защиты, как будто специально для того, чтобы мы получше могли рассмотреть Вильму в лицо. Видно, у хозяина не нашлось подходящего размера щитков, и он посчитал

незначительным возможным ущерб от разбитого небольшого стекла.

В восемь вечера мы ещё могли следить за Новостями CNN. Сменяя друг друга, комментаторы взхлёб живописали неистовую мощь обрушившегося на Флориду урагана. Вильма к этому времени уже прошла западное побережье, оставляя за собой гибель и опустошение. Никакого сообщения с Марк-Айлендом и Нэйплс не было уже более двух часов. Никто точно не знал, что там происходит и каковы истинные масштабы разрушений.

В половину девятого траекторию Вильмы откорректировали в последний раз. Прогноз показывал, что центр урагана направляется точно на Дирфилд-Бич. Сила ветра при этом усилилась до максимума.

Я вышел на улицу. На террасе стоял и курил Репс, спокойно поглядывая на горизонт, над которым уже навис чётко оформленный край зловещей тучи в форме характерной для ураганов грандиозный «наковальни». Из-за тучи прорывались последние гаснущие в небе солнечные лучи. Казалось, что тяжёлая «наковальня» настолько сильно придавила зашедшее за горизонт солнце, что из него брызнули струи раскалённой плазмы, окрашивая верхнюю часть облаков в золотые и багряные цвета.

Репс поразил меня спокойным, и я бы даже сказал отстранённым, отношением к происходящему.

- Вот она и пришла, - сказал он, с каким-то даже удовлетворением, не глядя в мою сторону.

Я разочарованно пожал плечами.

- Да, вынужден признать, что произошла нелепая невероятная, какая-то чуть ли не закономерная случайность.

- Нет, - глубоко затянувшись, ответил Репс, - это случайная закономерность.

- Что ты имеешь в виду? - удивился я, - какая ещё закономерность?

- Ну, это не просто объяснить, - ответил он, пристально разглядывая Вильму сквозь медленно вращающееся кольцо табачного дыма. - Понимаешь, я ведь сразу, как только она появилась на свет, был уверен, что моя встреча с ней неизбежна. И каждый наш последующий шаг прибавлял мне уверенности в этом. Уже в середине нашего путешествия я не догадывался, не предполагал, а совершенно точно знал, что мой контакт с ураганом обязательно состоится. Так что все происходящее потом было логичной и закономерной причиной и одновременно результатом этого знания.

Выразился он сложно и, я бы сказал, диалектически революционно. Но возразить было нечего. Вильма была уже здесь. Теперь она и мне представлялась каким-то живым существом, возможно, даже не лишённым эмоций. Она молча и назидательно нависла над нашим отелем в напряжённом до предела наэлектризованном

воздухе, и теперь с неподдельным интересом разглядывала нас сверху.

Признаюсь, что в этот момент я испытывал сильное замешательство, вспоминая свой дурацкий самоуверенный скептицизм, глупые шутки и ту рациональную чушь, которую ещё неделю назад настойчиво пытался втолковать своему другу.

- Вы уже приготовились к худшему? - спросил я, - просто чтобы заполнить неловкую паузу.

Он снова затянулся сигаретой и кивнул.

- Как там Оксанка? - спросил я, чувствуя свою ответственность перед ними обоими.

- Пытается залезть под кровать, - рассеяно ответил Репс, который, как я вдруг понял думает вовсе не об урагане.

- Но зачем?

- Ищет место, где можно будет спрятаться после того, как ураган разберёт крышу. Место под кроватью ей почему-то кажется самым надёжным.

Это было смешно, но мы не засмеялись.

В эти последние минуты перед Вильмой что-то произошло в атмосфере. Не было слышно ни дроздов, ни попугаев, ни шёпота пальмовых листьев, ни визга детей на пляже. Не доносился шум моторов и шин с дороги. Ни единой души не было во дворах и на улицах. Затих даже слабый шорох никогда не прекращающегося

океанского прибоя. Город погрузился в тревожную тишину.

Наши взятые в ренту автомобили мы заранее поставили бок о бок, вплотную подогнав их к высокому крепкому на вид забору, который вряд ли возможно было опрокинуть хоть какому-то урагану. С боку от машин лежали вязанки заботливо выкопанных хозяевами соседнего дома молодых кипарисов. Это было правильное решение. Кипарисы довольно хрупкие деревья, и никаких иных шансов уцелеть у них не было.

Солнце, по-видимому, уже далеко ушло за горизонт. Вечерние краски быстро угасали и наступили сумерки. Край наступающего урагана был теперь совсем близко.

Он потерял свои чёткие, похожие на край диска, золотистые очертания. Высокие клубящиеся облака теперь сливались над головой с потемневшим небом. Первые капли тяжело ударили по крыше, по застывшей поверхности воды в бассейне. И тут же начался дождь. Резкие порывы ветра известили нас о приближающейся грозе.

Стоя под козырьком, накрывающем террасу, мы пожали друг-другу руки, пожелали приятной зрелищной ночи и выразили надежду на благополучную утреннюю встречу. После этого мы разошлись по своим апартаментам и заперли двери на все возможные замки.

Войдя в освещённый лампой номер, я с удивлением увидел Марго, сидящую на полу возле кровати и

исследующую узкое подкроватное пространство. В эту щель мог бы пролезть не каждый кролик.

На мой недоумённый вопрос она ответила, что просто хочет определить наиболее надёжное укрытие на случай, если Вильма проломит крышу гостиницы. Интересно, что в столь разные женские головки во время опасности приходят одинаково безумные мысли.

Оставалось удобно расположиться на кровати и смотреть телевизор, пока это ещё было возможно. На улице шум дождя всё чаще прерывался раскатами грома. Потом раздался лихой разбойничий свист налетевшего ветра, и ему отозвались оглушительные вопли сирен наших припаркованных у забора автомобилей. И началось...

Очень скоро по экрану телевизора пробежали горизонтальные полосы, тревожная речь комментатора прервалась и вместо изображения осталась одна черно-белая рябь. Я читал, что это антенна улавливает потоки элементарных частиц, направляющихся к нам из космоса.

Вслед за телевизором отключилась и телефонная связь. Электричество продержалось ещё минут тридцать. И у нас даже возникла робкая надежда, что ураган, возможно, не такой уж и сильный или, что он обойдет нас стороной. Но тут свет мигнул несколько раз, и все чаяния рухнули вместе с отключившимся электричеством.

По милости нашего ясновидящего Репса, теперь мы остались один на один с грозными силами

природы. Ветер нарастал, беспрестанно раздавались раскаты грома, на крыше клацали какие-то конструкции, и скрежетали металлические элементы балюстрады. Мы перебрались в ванну и стали с любопытством смотреть, что же происходит за маленьким не закрытым ставнями окошком.

Я не буду утомлять вас подробностями той бесконечно длинной ночи, в течение которой нам несколько часов не удавалось сомкнуть глаз. Грохот стоял такой, что давно заглушил вопли автомобильных сигнализаций. То, что мы слышали больше всего напоминало рёв двигателя реактивного самолёта, когда находишься неподалеку от его изрыгающего огонь сопла. Перед нами сразу во всех направлениях пролетали ветки, доски, таблички дорожных знаков. А вверху над всем этим хаосом, словно диковинные воздушные змеи, то кружили, то срывались в штопор рекламные щиты. Потом появились светящиеся зеленоватые шары. Они были разного диаметра, от маленького теннисного мячика до размера баскетбольного мяча. Эти шары с шипением носились взад и вперёд и временами лопались, издавая громкие скрежещущие звуки, словно большой грузовик или опрокинутый локомотив волоком тащат по асфальту. Это были шаровые молнии, которые я видел второй раз в жизни. Однажды много лет назад на Енисее во время грозы я видел такой же электрический шар, медленно плывущий над кронами деревьев. То было завораживающее зрелище. Сейчас таких шаров были

десятки. И они носились за окном, как сумасшедшие, взрываясь искрами и возникая вновь из темноты.

Оторваться от окна было невозможно, как от захватывающего триллера. И всё же мы отпрянули от него, когда в дверь постучали. Я похолодел. Кто бы это мог быть? Понятно же, что никакой человек не мог бы устоять на таком ветру. Понятно и то, что никто в здравом уме не стал бы стучать с такой силой. Стук между тем настойчиво повторился. Я осторожно поинтересовался, кто там? В ответ в дверь стали бить какой-то кувалдой с самым безумным остервенением. Мы стояли не живы не мертвы, моля бога, чтобы только выдержали петли и запоры. Завершилось всё серией мощных ударов.

- Не за Репсом ли это? - тихо спросила Марго.

Кажется, я ничего ей не ответил. Но стук неожиданно прекратился и наступила короткая передышка, после которой забарабанили в соседнюю дверь. От сердца немного отлегло. Особенно, когда стук раздался ещё дальше. По-видимому, Вильма, наконец, нашла комнату Репса.

Предоставив ему самому разбираться с незванным гостем, мы снова перебрались в ванную комнату. Теперь помимо веток и щитов перед окном пролетали грозди кокосов и целые стволы пальм. Резкий удар в раму едва не выбил наш иллюминатор. Стекло не выдержало и треснуло по середине. В узкую трещину хлынула вода. Да таким потоком, словно на окно направили мощную струю из брандспойта, или это можно ещё сравнить с

пробоиной в корпусе погружённой на глубину субмарины.

Последующий час мы занимались тем, что боролись за живучесть наших апартаментов, перехватывая льющиеся потоки воды, грозившие затопить ванную комнату, а за ней и остальные помещения. Марго пыталась прикрывать одним полотенцем трещину, а другим вытирала растекающиеся лужи. Я же едва успевал выжимать полотенца.

За этой работой время шло быстро.

Часам к двум ночи, когда стихия свирепствовала уже несколько часов с упоением тысяч обезумевших чертей, адский грохот внезапно стих. Ощущение было такое, что где-то выключили рубильник. Какое-то время тишину нарушали только монотонные завывания автомобильных сигнализаций. Но прошла ещё пара минут, сигнализации умолкли и на Дирфилд-Бич обрушилась сюрреалистическая звонкая тишина.

Да-да, именно звонкая. Потому что после столь продолжительного грохота на фоне наступившего безмолвия, вы ещё долго продолжаете слышать фантомный звон в ушах. А может быть это в расширенных сосудах бурлит кровь, которая никак не может успокоиться.

- Неужели всё закончилось? - с надеждой спросила Марго.

- Похоже на то, - ответил я, всё ещё находясь под воздействием какого-то электрического возбуждения. Я подошёл к двери и прислушался. Ни единого звука не

доносилось с улицы. Тогда осторожно я открыл замок и постарался отодвинуть засов. Это оказалось непросто. От сильных ударов дверь немного перекосило и засов поддался не сразу. Наконец, дверь была отперта, и я выглянул наружу. Несмотря на ночь, на улице было на удивление светло. Свет исходил от пронзительно яркой луны, которая висела над головой и улыбалась беззубым ртом. В холодном лунном свете моему взору предстала картина прошедшего апокалипсиса. Массивные металлические перилла балюстрады были содраны могучей силой и погнуты. Прутья и лёгкие декоративные элементы были скручены в безобразные железные мотки и выброшены. Повсюду валялись оборванные ветки, провода, щепки, камни, доски, деревья, какие-то обломки и обрывки. Ощущение было такое, что я находился посреди гигантской свалки.

Вскоре обнаружился и возможный виновник наших страхов. В проходе, среди развороченных перил, плотно застряло двухметровое бревно. По-видимому, его ветром перебросило через балюстраду, а потом оно носилось по террасе и ломилось в двери.

Что-то белое плавало посреди загаженного бассейна, а от бывшего маленького садика, окружающего небольшой дворик отеля, остались несколько жалких ободранных черенков. Я быстро достиг лестницы, и перешагнув через погнутые перила спустился вниз. Мне было любопытно, что с нашими автомобилями. Как и прежде, оба они стояли бок о бок, но их капоты были придавлены тяжёлым рухнувшим забором. Как

выяснилось позже, это было очень кстати, ибо многие другие автомобили оказались с продавленными крышами или были перевернуты ураганом. Мы же отделались только пустяковыми царапинами.

Неожиданно лунный свет стал тускнеть и одного взгляда на небо было достаточно, чтобы понять, что моя вылазка несколько преждевременна. Над головой теперь хорошо было видно кольцо облаков, которые окружали идеально круглый просвет ночного неба с ярко сияющими звёздами. В центре этого круга ещё недавно находилась луна. Но сейчас кольцо сместилось к востоку, поглотив ночное светило, и серповидный очерченный жёлтой каймой край облачного кольца быстро надвигался.

Тринадцатый ураган вовсе не спешил нас покидать. Мы находились в самом его центре. А круг над головой был ни чем иным, как глазом Вильмы, расположившейся над графством Бровард.

Бодро перепрыгивая через кучи мусора и рулоны железа, я бросился назад к лестнице. В два прыжка преодолел её и, взлетев на второй этаж, едва успел добежать до своей комнаты. Я успел захлопнуть за собой дверь и снова запереть замки, когда чудовищный порыв ветра налетел столь же внезапно, как затих десять минут назад.

Опять застонало искорёженное железо, всё вокруг задрожало, завывало, загрохотало. Снова за окном полетели шаровые молнии и обломки деревьев. Однако направление ветра, по-видимому, изменилось. Теперь

потоки воды хлестали в оконную трещину не столь интенсивно. Перед рассветом мы, наконец, свалились на кровать и заснули. И помешать нам не мог ни продолжающийся грохот, ни скрежет взрывающихся молний.

Часов в десять утра мы осторожно высунули нос из дверей. Ветер ещё был довольно сильным, но облака разметались высоко по небу, и из-за них даже проглядывало мутное белое солнце. Внизу над раздобытым где-то грилем, хлопотал Репс, раздувая медленно разгорающиеся угли. Оксана готовила на решётке закупленные накануне польские колбаски, и запах дымка приятно щекотал ноздри. Закипел чайник.

Впереди в ожидании открытия аэропорта, нас ожидали две долгие недели жизни в искалеченной Вильмой Флориде.

- Да, сурово вам пришлось, - сочувственно сказал Борис. Не хотел бы я попасть в такую передрагу. Представляю, какими словами вы вспоминали вашего «счастливого» друга.

- А вы знаете, мы несколько не пожалели, - рассмеялась Марго. - Это же здорово, хотя бы раз в жизни побывать в самом центре настоящего тропического урагана. Захватывающее впечатление, которое осталось с нами на всю жизнь. Так что Репсу мы как раз очень даже благодарны.

- А к тому же, - добавил я, - бесценный опыт общения то ли с уникальным природным явлением, то ли с какими-то мистическими силами. Одним словом, случайная закономерность.

Вечером наши питерские друзья не вышли к ужину. Наверное, объелись завтраком, посмеялись мы. А утром на завтрак явился один Борис. Вид у него был бледный и растерянный. Оказалось, что с вечера у Татьяны начались жуткие боли в животе, а утром резко поднялась температура. Ей вызвали скорую и увезли в больницу. После завтрака Борис собирался её навестить.

Сейчас он сидел, обхватив голову руками и бормотал: «Это один я виноват во всём. Она же с самого начала меня предупреждала. Знала, что будут идти дожди, и знала, что заболит».

Убеждать его в обратном не было смысла.

Когда в четверг мы покидали отель, Татьяна всё ещё оставалась в ханойском госпитале с диагнозом острая дизентерия.

Конечно, мы с Марго понимали, что виной всему был не Борис, а вкусная жаренная картошка и легкомысленно облизанные пальцы - не допустимая в этой замечательной стране маленькая гигиеническая оплошность, которая нелепую случайность обратила в случайную закономерность.

Географическая справка

Вильма была 22-м тропическим штормом, тринадцатым ураганом, шестым ураганом по силе и четвёртым ураганом 5-й категории рекордного сезона 2005 года. Она выходила на сушу несколько раз, вызвав разрушения на полуострове Юкатан, на Кубе и более всего в штате Флорида. От урагана погибли 62 человека, а убытки составили более 29 млрд долларов США, из которых 20,6 млрд пришлось на США, по ценам 2005 года, что делает этот ураган одним из 5 самых разрушительных ураганов Атлантического океана за всю историю наблюдений и четвёртым в истории США.